

Что такое социализмъ?

Двадцатый вѣкъ начался подъ знакомъ социализма. Въ однихъ людяхъ красное знамя пролетаріата вызываетъ энтузіазмъ, на другихъ оно наводитъ ужасъ, но нѣтъ никого, кто къ этому грозному символу относился бы равнодушно. Мечты одинокихъ мыслителей превратились въ мощное общественное движеніе, величайшее движеніе, какое только знаетъ всемірная исторія.

О социализмѣ существуетъ огромная, необозримая литература, возрастающая съ каждымъ днемъ. Тысячи органовъ прессы въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ посвящены пропагандѣ, развитію и разработкѣ социалистическихъ идей. Милліоны людей принимаютъ участіе въ социалистическомъ движеніи, и неудивительно, что общественная мысль всего міра все болѣе и болѣе сосредоточивается вкругъ проблемы, выдвинутыхъ этимъ движеніемъ.

И, однако, социализмъ, какъ ученіе, чрезвычайно далекъ отъ идеала законченной научной системы. Самое понятіе социализма до послѣдней степени шатко и неопредѣленно. Что такое социализмъ? Лавеле говоритъ въ своей извѣстной книгѣ о современномъ социализмѣ, что онъ не встрѣчалъ еще точнаго опредѣленія этого понятія. Прудонъ отвѣтилъ какъ то на подобный же вопросъ, что социалистомъ является всякій, стремящійся къ улучшенію общественного строя. Если такъ, то кто же можетъ не быть социалистомъ? «Каждый — заключаетъ Лавеле — есть социалистъ съ чьей-либо точки зрѣнія».

По мнѣнію Штамлера, «совершенно невозможно охватить однимъ понятіемъ всѣ тѣ различныя общественныя направленія, которыя за истекшее столѣтіе обычно именовались социалистическими». Въ виду этого, въ новѣйшее время замѣчается склонность такъ раздвигать рамки даннаго понятія, что оно почти утрачиваетъ опредѣленный смыслъ. Георгъ Адлеръ въ своей новѣйшей исторіи социализма опредѣляетъ социализмъ «какъ такой общественный строй, въ которомъ хозяйство ведется въ широкихъ размѣрахъ при помощи обществен-

ныхъ средствъ на основѣ коллективной собственности». Исходя изъ этого опредѣленія, слѣдуетъ признать, что всякій общественный строй есть, въ большей или меньшей степени, социализмъ, ибо нѣтъ того общества, въ которомъ совсѣмъ бы не было хозяйства при помощи общественныхъ средствъ на основахъ коллективной собственности. «Подъ социализмомъ — говоритъ Карль Диль въ одной изъ своихъ раннихъ работъ — мы понимаемъ то политико-экономическое направленіе, которое относится враждебно къ основамъ существующаго хозяйственно-правового строя, особенно частной собственности». Это опредѣленіе страдаетъ прежде всего тѣмъ, что имѣетъ отрицательный характеръ: оно указываетъ, съ чѣмъ борется социализмъ, но ничего не говоритъ о томъ, за что онъ борется. Между тѣмъ, социализмъ есть, прежде всего, положительное ученіе, ставящее себѣ опредѣленные положительные задачи въ общественной жизни. Затѣмъ Диль столь же раздвигаетъ границы своего понятія социализма, какъ и Адлеръ. Всякая мѣра государства, направленная къ ограниченію свободы хозяйственнаго оборота, можетъ быть признана враждебной правамъ частныхъ собственниковъ, — а такъ какъ принципъ государственнаго вмѣшательства прочно утвердился въ современной хозяйственной жизни, то, съ этой точки зрѣнія, окажется правъ англійскій либеральный министръ Вильямъ Гаркортъ, сдѣлавшій въ свое время сенсаціонное заявленіе, что «мы всѣ теперь социалисты».

Въ своей новѣйшей работѣ Диль даетъ нѣсколько иное опредѣленіе понятія социализма. Какая конечная цѣль социализма? — спрашиваетъ онъ — и отвѣчаетъ: «уничтоженіе частной собственности на средства производства». Такимъ образомъ, «социализмъ есть политико-экономическое направленіе, признающее желательнымъ уничтоженіе частной собственности на средства производства или полагающее, что современное общественное развитіе ведетъ къ такому уничтоженію». Это опредѣленіе почти совпадаетъ съ общепринятымъ среди марксистовъ и страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и это послѣднее, о чемъ у меня будетъ идти рѣчь ниже.

Но наиболѣе нагляднымъ показателемъ смутности понятія социализма въ современной экономической наукѣ является сравнительно недавняя попытка Фр. Неймана въ руководящемъ нѣмецкомъ экономическомъ журналѣ положить этому положенію дѣла конецъ. Разсмотрѣвъ съ большей обстоятельностью разныя опредѣленія даннаго понятія Нейманъ пришелъ къ заключенію, что «социалистическими слѣдуетъ признавать тѣ направленія и ученія, которыя заходятъ слишкомъ далеко въ своемъ требованіи замѣны своекорыстнаго хозяйства принудительнымъ хозяйствомъ въ общихъ интересахъ». Вотъ,

поистинѣ удивительное опредѣленіе, возводящее въ принципъ субъективный произволъ. Съ этой точки зрѣнія, всякій хозяйственный строй можетъ быть признанъ социалистическимъ или нѣтъ, смотря по тому, соотвѣтствуетъ ли онъ или нѣтъ нашимъ субъективнымъ идеаламъ.

Но всѣ эти опредѣленія социализма исходятъ, если не отъ враговъ этого ученія, то, во всякомъ случаѣ, и не отъ его послѣдователей и сторонниковъ. Направленіе, господствующее въ современномъ социализмѣ — марксизмъ — гордится тѣмъ, что оно превратило социализмъ изъ утопіи въ науку. Къ сожалѣнію, особенностью марксизма является его весьма ненаучное равнодушіе къ точному опредѣленію употребляемыхъ терминовъ и понятій. Марксизмъ, вообще говоря, отождествляетъ социализмъ съ понятіемъ обобществленія средствъ производства — съ переходомъ средствъ производства изъ частной собственности (въ какой-либо они находятся въ настоящее время) въ собственность всего общества какъ цѣлаго, для плановѣрной организациі общественнаго производства. Что касается до предметовъ потребления, то предполагается, что по отношенію къ нимъ частная собственность сохранится.

Но и это пониманіе сущности социализма не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Оно грѣшитъ, прежде всего, тѣмъ, что имъ указываются не цѣли, а лишь средства социализма. Совершенно вѣрно, что, согласно господствующему социалистическому воззрѣнію, цѣли социализма могутъ быть достигнуты лишь обобществленіемъ средствъ производства. Но значить ли это, что всякое обобществленіе производства, при всякихъ условіяхъ, равнозначуще достиженію истинныхъ цѣлей социализма? Отнюдь нѣтъ. Переходъ средствъ производства изъ рукъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ въ руки всего общества можетъ произойти двоякимъ путемъ — или путемъ выкупа ихъ у теперешнихъ владѣльцевъ или безъ посредства выкупа. Родбертусъ указываетъ, между прочимъ, слѣдующій способъ выкупа: общество экспроприруетъ существующихъ владѣльцевъ земли и капитала, но взамѣнъ этого принимаетъ на себя постоянное обязательство платить имъ ежегодно ту же сумму, какую они получали раньше со своего выкупленнаго имущества. Въ такомъ случаѣ землевладѣльцы и капиталисты заняли бы по отношенію къ обществу положеніе какъ бы постоянныхъ кредиторовъ. Общество продолжало бы уплачивать въ прежнемъ размѣрѣ дань въ пользу капиталистическаго и землевладѣльческаго класса, по прежнему доля трудового продукта присваивалась бы не работающими, но имущими классами, по прежнему были бы богатые и бѣдные, имущіе и неимущіе классы. Эксплоатація челоѣка челоѣкомъ осталась бы во всей своей силѣ, и общество продолжало бы сохранять классовую

характеръ, хотя средства производства были бы обобществлены и частная собственность на нихъ исчезла бы.

Можно ли назвать такое общество социалистическимъ, и къ этому ли стремится социализмъ? Безусловно нѣтъ, ибо обобществленіе производства является для социалистовъ лишь средствомъ къ цѣли: уничтоженія эксплоатаціи челоѣка челоѣкомъ. Обобществленіе производства въ той формѣ, которая предложена Родбертусомъ, было бы сохраненіемъ и закрѣпленіемъ на вѣчныя времена господства имущихъ классовъ, ничего не производящихъ, но потребляющихъ плоды чужихъ трудовъ. Такой строй былъ бы столь же далекъ отъ социалистическаго идеала, какъ и современный строй, основанный на частномъ предпринимательствѣ и частномъ владѣніи средствами производства.

Итакъ, обобществленіе производства, само по себѣ, еще не составляетъ социализма. Распространеніе акціонерныхъ компаній ведетъ къ тому, что собственность на капиталъ все больше и больше отдѣляется отъ руководительства капиталистическимъ предпріятіемъ. Производительныя функціи капитала все болѣе и болѣе обособляются отъ владѣнія капиталомъ, истинный характеръ котораго, какъ средства извлеченія нетрудового дохода, иначе говоря эксплоатаціи труда, выступаетъ во все болѣе обнаженномъ видѣ. Въ прежнее время этотъ характеръ капиталистическаго дохода маскировался тѣмъ, что капиталистъ руководилъ работой другихъ и, слѣдовательно, самъ исполнялъ полезную работу. При господствѣ акціонернаго производства, всякая иллюзія относительно сущности капиталистическаго дохода становится невозможной: акціонеръ можетъ не принимать ни малѣйшаго участія въ руководительствѣ предпріятіемъ и, всетаки, исправнѣйшимъ образомъ получать свои дивиденды.

Представимъ себѣ, что дальнѣйшій ростъ акціонерныхъ компаній въ связи съ соединеніемъ ихъ въ союзы, картели и тресты, поведетъ къ полному исчезновенію единоличныхъ капиталистическихъ предпріятій и объединенію всего капиталистическаго производства въ одно плановѣрно организованное колоссальное національное предпріятіе. Пусть владѣльцами акцій такого предпріятія будутъ не только крупные собственники, но и рабочая масса (какъ это мы наблюдаемъ на гигантскихъ ольдгамскихъ бумагопрядильняхъ, гдѣ большинство рабочихъ владѣютъ акціями этихъ фабрикъ, а также въ крупнѣйшей капиталистической организациі міра — знаменитомъ американскомъ стальномъ трестѣ, принимающемъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать своихъ рабочихъ акціонерами предпріятія и этимъ сильнѣе связать ихъ съ нимъ) — все же это

обобществленное и централизованное капиталистическое производство останется капиталистическимъ, а отнюдь не социалистическимъ производствомъ.

По словамъ талантливаго вождя бельгійскихъ социалистовъ, Эмиля Вандервельде «конечная цѣль социализма заключается въ общественной собственности на средства производства и обмена, въ общественной организаціи труда, въ раздѣленіи прибавочной цѣнности между трудящимися — за вычетомъ части, необходимой для общихъ потребностей всего общества». И это опредѣленіе не можетъ быть признано удачнымъ. Въ немъ не проводится различія между цѣлью и средствами социализма. Обобществленіе средствъ производства и общественная организація труда не составляютъ, какъ сказано, конечной цѣли социализма. Что касается до раздѣленія продукта между трудящимися (иначе говоря, уничтоженія нетрудового дохода), то таковое, дѣйствительно, является одной изъ цѣлей социализма. Но социализмъ идетъ дальше этого. Въ настоящее время трудъ директора фабрики оплачивается въ десятки и даже сотни разъ выше труда чернорабочаго, хотя чернорабочій трудится не меньше, а больше директора. Безъ сомнѣнія, социализмъ отвергнетъ подобныя различія оплаты труда. Иными словами, социализмъ требуетъ не только распредѣленія продукта между трудящимися, но и распредѣленія между ними въ соответствии съ извѣстными этически-правовыми нормами, на которыя формула Вандервельде («раздѣленіе прибавочной цѣнности между трудящимися») никакого указанія не даетъ.

Болѣе подчеркиваются конечныя цѣли социализма опредѣленіемъ Менгера. «Сущность социалистическаго государства въ своей самой общей формулѣ—говорить этотъ выдающійся знатокъ социалистической литературы—заключается въ томъ, что въ немъ индивидуальныя интересы большинства народа являются главной цѣлью государственной дѣятельности». Последнее, конечно, вѣрно, но все же опредѣленіе Менгера даетъ крайне мало для пониманія сущности социализма. Въ немъ совершенно исчезаютъ характерическія черты социалистическаго строя, отличающія его отъ всякаго другого. Вѣдь и буржуазія, опрокинувъ въ 18-мъ вѣкѣ феодальную власть, совершила переворотъ подъ флагомъ общихъ интересовъ народа. Мыслители 18-го вѣка были искренно убѣждены, что свободная конкуренція всего болѣе обезпечиваетъ благо народныхъ массъ. Именно потому они и были апологетами капиталистическаго, но отнюдь не социалистическаго строя.

Чтобы закончить этотъ бѣглый и, конечно, далеко неполный обзоръ различныхъ опредѣленій социализма, приведу краткую характеристику даннаго понятія Вернеромъ Зомбартомъ. «Всѣ теоретическія попытки—

говорить этотъ блестящій представитель современной германской академической науки—указать пролетаріату цѣль его стремленій, вызвать его къ бою, организовать бой, найти путь, которымъ можетъ быть достигнута названная цѣль, образуютъ своей совокупностью то, что мы называемъ современнымъ социализмомъ». Пусть такъ, но въ чемъ же заключается цѣль стремленій пролетаріата? Въ этомъ суть вопроса, и объ этомъ Зомбартъ предпочитаетъ умолчать.

Итакъ, мы до сихъ поръ не нашли удовлетворительнаго опредѣленія понятія социализма. Причины этого страннаго положенія дѣль—мощнаго социалистическаго движенія и неясности его теоретическихъ отправныхъ пунктовъ—лежатъ довольно глубоко. Творцами положительнаго ученія современнаго социализма слѣдуетъ скорѣе всего признать такъ называемыхъ «великихъ утопистовъ» начала прошлаго вѣка: Оуэна, Сень-Симона и его школы и Фурье. Эти люди совершили болѣшую часть той умственной работы, которая потребовалась для созданія новаго социальнаго идеала. Но ихъ социализмъ имѣлъ вполне сектанскій характеръ. Были секты овенистовъ, сень-симонистовъ, фурьеристовъ, каждая изъ которыхъ отвергала остальные, но не было ничего похожаго на сознаніе общности соединявшихъ ихъ всѣхъ цѣлей и стремленій.

Второстепенныя различія между отдѣльными направленіями социалистической мысли совершенно скрывали отъ социалистическихъ сектантовъ ихъ общую принципиальную близость. Самый терминъ «социализмъ», какъ обобщающее понятіе для всѣхъ социалистическихъ направленій безъ различія, появился значительно позже. Во Франціи, по словамъ Вейля, автора превосходной монографіи о сень-симонизмѣ, слово это впервые было употреблено въ одномъ сень-симонистскомъ журналѣ въ 1832 г., съ нѣсколькимъ инымъ значеніемъ, чѣмъ то, которое ему придается нынѣ. Въ 1836 г. послѣдователи Оуэна на конгрессѣ въ Манчестерѣ приняли для своей партіи названіе социалистовъ. Въ 40-хъ годахъ благодаря, главнымъ образомъ, очень распространенной, хотя и поверхностной книгѣ Луи Рейбо, терминъ «социализмъ» въ современномъ смыслѣ слова вошелъ въ общее употребленіе.

Первоначальный социализмъ былъ вполне продуктомъ умозрѣнія, какъ любая философская система или научная теорія. Отвергая существующій общественный строй и предлагая его замѣнить новымъ, великіе социалисты начала прошлаго вѣка возлагали всѣ свои надежды на силу убѣжденія. Они обращались къ разуму человечества и поступали такъ, какъ поступалъ бы архитекторъ, предлагающій сломать существующую неудачную постройку и выстроить на ея мѣстѣ новую по новому плану.

Въ этомъ методѣ дѣйствій заключалась и сила и слабость первоначальнаго социализма. Сила потому, что методъ этотъ имѣлъ въ себѣ, несомнѣнно, нѣчто правильное и разумное. Правда, социальный строй не есть всецѣло продуктъ сознательной воли человѣка; ему присущи стихійные элементы, не поддающіеся сознательному воздействию. Но все же сознательная человѣческая воля всегда оказывала и оказываетъ—и при томъ въ возрастающей степени—известное вліяніе на характеръ устройства человѣческаго общежитія. Если существующее историческое право и не есть всецѣло продуктъ человѣческаго искусства, все же оно, по мѣрѣ хода исторіи, болѣе и болѣе становится таковымъ. И потому, первоначальные творцы современнаго социализма отнюдь не были неправы въ своемъ убѣжденіи, что доказавши огромныя преимущества созданнаго ихъ воображеніемъ новаго социальнаго строя и распространивши это убѣжденіе въ народныхъ массахъ, они рано или поздно побудятъ людей перестроить свою жизнь по новому плану.

Убѣжденіе въ возможности социальнаго творчества путемъ логическихъ аргументовъ имѣло также и ту хорошую сторону, что оно поощряло первоначальныхъ социалистовъ къ логическому усовершенствованію ихъ доктрины. Какую упорную вѣру въ непобѣдимость доводовъ разсудка долженъ былъ имѣть какой-нибудь Фурье, чтобы на десяткахъ и сотняхъ страницъ, пунктъ за пунктомъ, перечислять всѣ безчисленныя выгоды организациі труда въ своемъ фаланстерѣ. Онъ не боялся тривіальности и мелочности многихъ своихъ разсчетовъ, для которыхъ ему приходилось спускаться въ сферы, величественно игнорируемыя современной наукой: кухня, прачешная, курятникъ, кладовыя, вообще вся область незамѣтнаго домашняго хозяйства казалась ему такимъ же важнымъ полемъ изслѣдованія, какъ и тѣ пункты современнаго хозяйства, гдѣ сталкиваются и перекрещиваются могучія силы міроваго экономическаго оборота. Фурье хотѣлъ убѣдить людей, что имъ будетъ лучше жить во дворцѣ будущаго, фаланстерѣ, чѣмъ въ зданіи современнаго типа; а такъ какъ жизнь обыкновеннаго человѣка слагается изъ мелочей, то ни одна мелочь не казалась Фурье слишкомъ ничтожной.

Подобные расчѣты очень легко высмѣять—и, дѣйствительно, они высмѣивались много разъ. Однако, въ результатѣ всѣхъ этихъ умственныхъ усилій придумать новое совершенное устройство общества и доказать преимущества придуманнаго передъ существующимъ получилось дѣло огромной важности.

Вѣдь социальный идеалъ, подъ знаменемъ котораго рабочіе борются въ настоящее время, созданъ не кѣмъ инымъ, какъ этими

чудаками, дерзнувшими противопоставить свою мечту грубой реальности окружающаго ихъ міра. Вѣдь социализмъ, какъ положительное ученіе, какъ представленіе объ опредѣленномъ общественномъ строѣ будущаго, созданъ всецѣло этими странными людьми и никѣмъ больше. Именно они указали человѣчеству великую цѣль, къ которой оно теперь стремится.

Но, съ другой стороны методъ придумыванія, изобрѣтенія новаго социальнаго строя и мирной пропаганды придуманнаго, заключалъ въ себѣ источникъ неустранимой слабости первоначальнаго социализма. Средній человѣкъ отнюдь не такое разсудочное существо, какимъ его часто представляютъ: его духовный міръ окутанъ плотной тканью интересовъ, привычекъ, традицій, предвзятыхъ взглядовъ, предразсудковъ, которыхъ не разсѣкутъ самые сильные логические аргументы. Сколько бы ни убѣждали людей въ прелестяхъ будущаго социальнаго строя, большинство останется глухо къ этимъ убѣжденіямъ, если ихъ ближайшіе реальные интересы не потребуютъ отъ нихъ разрыва съ существующимъ и смѣлаго шага впередъ. Въ представленіи раннихъ социалистовъ міръ будущаго отдѣлялся цѣлой бездной отъ міра настоящаго. И народная масса обнаружила мало интереса къ ихъ проповѣди, несмотря на всю ея убѣдительность и внутреннюю силу.

Чтобы вліять на массы, социализмъ долженъ былъ сблизиться съ насущными интересами этихъ массъ. Эту задачу и выполнилъ марксизмъ. Благодаря гениальной тактикѣ, созданной Марксомъ, социалистическое движеніе стало рабочимъ движеніемъ. Борьба за социалистическій идеалъ приняла характеръ борьбы за улучшеніе положенія рабочаго класса. И только благодаря этой новой тактикѣ, социализмъ сталъ тѣмъ, что онъ есть: величайшей политической силой нашего времени.

Но чѣмъ больше центръ тяжести социалистическаго движенія перемѣщался въ область практической политики, ближайшихъ нуждъ рабочаго класса, тѣмъ болѣе отступала на задній планъ конечная цѣль движенія. Интересъ къ будущему социалистическому строю замѣнился интересомъ къ немедленно осуществимымъ частичнымъ реформамъ существующаго общественнаго строя. Вопросы рабочаго законодательства, профессиональной организациі рабочихъ, борьба съ политической реакціей и пр. стали центромъ вниманія дѣятелей социализма. Что же касается до социалистическаго идеала, то онъ оставался лишь знаменемъ движенія, но не реальнымъ его содержаніемъ.

Марксизмъ ничего не прибавилъ къ этому идеалу въ томъ видѣ, какъ онъ былъ созданъ ранними социалистами. Однако, оче-

видно, что лишь этот идеалъ дѣлаетъ современное рабочее движеніе социалистическимъ движеніемъ. Иначе говоря, социализмъ, какъ ученіе, есть ученіе прежде всего о новомъ социальномъ идеалѣ.

Такимъ образомъ, тактика марксизма, увѣнчавшаяся столь блестящимъ успѣхомъ въ практической жизни, оказалась въ области теоріи ослабленіемъ интереса къ конечнымъ цѣлямъ социализма. Вотъ почему ничего не можетъ быть ошибочнѣе обычнаго мнѣнія, что теорія социализма содержится цѣлкомъ въ работахъ Маркса и его школы. Въ гениальныхъ трудахъ автора «Капитала», значенія которыхъ я отнюдь не склоненъ уменьшать, содержится теорія не социализма, но капитализма, капиталистическаго развитія, ведущаго къ социализму. Что касается до социализма—строю будущаго—то теоріи этого строя Марксъ почти и не касался. Онъ получилъ социалистическій идеалъ въ готовомъ видѣ отъ своихъ предшественниковъ и, какъ сказано, ничего къ этому идеалу не прибавилъ. Остается даже неяснымъ, что именно изъ этого идеала сохранилъ Марксъ и что отбросилъ, хотя, по отрывочнымъ указаніямъ и намекамъ можно догадываться, что по отношенію къ строю будущаго идеализмъ Маркса нисколько не уступалъ идеализму его предшественниковъ.

Этимъ и объясняется отмѣченный мною странный фактъ, что въ то самое время, какъ знамя социализма все больше и больше становится знаменемъ рабочаго класса всего міра, самое понятіе социализма, какъ опредѣленнаго общественнаго идеала, становится все болѣе и болѣе туманнымъ, расплывчатымъ и неяснымъ.

Социалистическій идеалъ не можетъ быть понятъ внѣ связи съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое его породило. Первымъ провозвѣстникомъ этого идеала въ законченной, систематической формѣ, можетъ считаться гениальный авторъ «Утопіи» Томасъ Моръ. Но идеи Мора слишкомъ опередили его время и остались въ сторонѣ отъ жизни. Современный социализмъ ведетъ свое начало отъ болѣе поздняго времени, отъ эпохи великой французской революціи, въ столь различныхъ и многообразныхъ отношеніяхъ являющейся гранью, съ которой начинается новѣйшая исторія человѣчества.

Въ эту эпоху окончательно сложилось и окрѣпло новое міровоззрѣніе, краеугольнымъ камнемъ котораго явилась идея равноцѣнности человѣческой личности. Лучшимъ выразителемъ и обоснователемъ этого міровоззрѣнія я считаю того, кто стоялъ въ сторонѣ отъ общественной жизни, но своей свѣтлой и мощной мыслью глубже всѣхъ проникъ въ тайны человѣческаго духа—величайшаго философа новаго времени, Канта.

Кантъ далъ въ своихъ работахъ о морали и правѣ теорію того міросозерцанія, которое на практикѣ выразилось въ знаменитомъ рево-

люціонномъ требованіи «свободы, равенства и братства». Изъ этой триады для социализма особенно важенъ второй принципъ, равенства, который и является идейнымъ корнемъ всего социализма.

Между тѣмъ, именно этотъ принципъ обосновать всего труднѣе. Желательность свободы и братства не нуждается въ доказательствахъ. Отсутствіе свободы ощущается человѣкомъ, какъ положительное страданіе. Точно также братство—иначе говоря, любовь—есть положительное благо. Другое дѣло равенство. Почему и въ какомъ смыслѣ равенство есть благо, а неравенство—зло? Неравенство коренится въ самой природѣ вещей: люди рождаются неравными—неравными по своимъ физическимъ силамъ, умственнымъ способностямъ, нравственнымъ наклонностямъ, вкусамъ, потребностямъ и т. д. и т. д. Никакой социальный строй не можетъ устранить этого естественнаго неравенства. И для чего нужно стремиться къ его устраненію? Развѣ всеобщее равенство гарантируетъ всеобщее счастье?

Всѣ эти соображенія такъ естественны и убѣдительны, что и понынѣ неизмѣнно выдвигаются противниками социализма. И только стройная, строгая, неумолимо-последовательная и логичная теорія Канта даетъ прочное, какъ гранитъ, обоснованіе требованія равенства.

Сознательная дѣятельность человѣка направлена на достиженіе разнообразныхъ цѣлей. Все, что является для насъ цѣлью, имѣетъ для насъ и опредѣленную цѣнность. Наши цѣли бываютъ относительными въ томъ случаѣ, когда мы сами, произвольно, по своему усмотрѣнію, ставимъ ихъ себѣ—ибо цѣнность этихъ цѣлей произвольно опредѣляется каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ, не представляя собой ничего обязательнаго для другихъ людей. Но не существуетъ ли въ природѣ чего-либо, что должно имѣть абсолютную, общеобязательную цѣнность для всѣхъ людей? Да, нѣчто такое въ природѣ существуетъ. «Въ природѣ все что угодно, надъ чѣмъ мы имѣемъ власть, можетъ служить намъ средствомъ—говоритъ Кантъ—и только человѣкъ, и съ нимъ всякое разумное существо существуетъ, какъ цѣль въ себѣ... Человѣкъ и вообще всякое разумное существо существуетъ, какъ цѣль въ себѣ, не какъ средство для той или другой воли, но всегда долженъ разсматриваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ на него самого, такъ и на другія разумныя существа, какъ цѣль».

Конечно, Кантъ не утверждаетъ, что это основное правило морали всегда осуществляется на практикѣ. Таковъ, однако, моральный идеалъ, лежащій въ основѣ гуманистическаго міросозерцанія, выразившагося въ революціонномъ требованіи свободы и равенства.

Это революціонное міросозерцаніе, неиспроверженное столько святыхъ, нашло и утвердило одну верховную святыню—человѣческую личность.

Оно преклонилось передъ человѣкомъ, какъ таковымъ. Достоинства людей различны: нѣкоторые люди внушаютъ намъ уваженіе, къ другимъ мы относимся съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Но въ каждомъ человѣкѣ, даже самомъ низкомъ, есть нѣчто, имѣющее абсолютную цѣнность, цѣнность превыше всего — это его человѣческая природа. Какъ бы ни былъ человѣкъ, мы всегда должны относиться къ нему, не какъ къ средству, а какъ къ верховной цѣли. Всякій человѣкъ можетъ требовать такого отношенія къ себѣ, какъ своего прирожденного неотъемлемого права.

Такимъ путемъ Кантъ приходитъ къ идеѣ «царства цѣлей» — господства разумныхъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ разумныя существа, каждое изъ которыхъ видитъ въ другомъ не средство, но цѣль. Идеальное человѣческое общество и должно быть такимъ царствомъ цѣлей.

Античное міросозерцаніе легко мирилось съ рабствомъ. Самые возвышенные философы древности — какъ Платонъ — отрицали за варварами, не эллинами, права требовать къ себѣ со стороны эллиновъ мягкаго, человѣческаго отношенія. Новое міровоззрѣніе, признавшее человѣческую личность абсолютной и безконечной цѣнностью, не можетъ дѣлать такихъ различій между людьми. Ибо всѣ люди, каковы бы они ни были, обладаютъ человѣческой личностью. Вотъ, слѣдовательно, точка зрѣнія, съ которой всѣ разумныя существа должны быть признаны абсолютно равными. Самый ничтожный человѣкъ равенъ въ этомъ смыслѣ самому великому — ибо они въ равной мѣрѣ люди, носители святости человѣческой личности.

Отсюда вытекаетъ кантовское ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка. «Прирожденное право человѣка существуетъ только одно. Свобода (независимость отъ принудительнаго воздѣйствія чужого произвола), поскольку такая совмѣстима, согласно общему закону, со свободой другихъ людей, есть это единственное, первоначальное право, присущее каждому человѣку въ силу того, что онъ человѣкъ. Прирожденное равенство — т. е. право каждого не нести болѣшихъ обязательствъ по отношенію къ другому, чѣмъ сколько это послѣднее лицо несетъ обязательствъ по отношенію къ первому; далѣе право человѣка быть своимъ собственнымъ господиномъ, — всѣ эти права лежатъ уже въ принципѣ прирожденной свободы и не могутъ быть въ дѣйствительности отъ него отдѣлены (какъ подраздѣленія высшаго правового принципа)».

Итакъ, вотъ въ какомъ смыслѣ всѣ люди равны отъ природы, какъ бы они ни были различны по своимъ свойствамъ и достоинствамъ. Они равны по своимъ правамъ на жизнь и счастье, они равны по

тому уваженію, съ какимъ мы должны относиться къ интересамъ ихъ всѣхъ, — они равны по безконечной цѣнности, которой обладаетъ личность каждаго изъ нихъ. Только съ этой точки зрѣнія можно признавать принципъ равенства основаніемъ правильнаго общежитія людей. Отбросьте ученіе объ абсолютной цѣнности человѣческой личности — и всѣ демократическія требованія нашего времени окажутся пустымъ разглагольствованіемъ. Поэтому необходимо признать идею равноцѣнности человѣческой личности основной этической идеей современнаго социализма.

Правда, самъ Кантъ, давшій незыблемое теоретическое обоснованіе социализму, отнюдь не былъ социалистомъ. Въ своей «Метафизикѣ нравовъ» онъ защищаетъ право частной собственности на землю и другія средства производства и пытается вывести его изъ основнаго прирожденного права человѣка на свободу. Но если есть какое-либо положеніе, твердо установленное социалистической критикой, то это то, что право частной собственности на средства производства, по неумолимымъ законамъ хозяйства неизбѣжно превращается въ право эксплоатации одними людьми другихъ, неизбѣжно ограничиваетъ свободу личности трудящагося человѣка, обращаетъ въ пустую юридическую фикцію прирожденное равенство всѣхъ. Пока останется частная собственность на землю и капиталъ, до тѣхъ поръ землевладѣлецъ и капиталистъ останутся фактическими господами работника, лишеннаго средствъ производства и существованія. Иными словами, частная собственность на средства производства несовмѣстима съ правомъ человѣка на свободу и равенство. Социализмъ есть, слѣдовательно, требованіе естественнаго права, логически связанное съ первымъ и основнымъ прирожденнымъ правомъ человѣка на свободу.

Кантъ не былъ, какъ сказано, социалистомъ. Однако, только въ идеѣ равноцѣнности человѣческой личности, — а эта идея нашла свое самое систематическое выраженіе въ философіи Канта — заключается теоретическое обоснованіе социалистическаго міровоззрѣнія, поскольку такое опирается на этические принципы. Социализмъ есть стремленіе осуществить въ дѣйствительной жизни всѣ тѣ права, которыя нынѣ теоретически признаются всѣми неотъемлемымъ достояніемъ человѣка. Изъ области юридической фикціи права эти должны перейти въ реальную жизнь.

Недостаточно всѣхъ людей объявить равноправными — нужно ихъ сдѣлать реально равноправными, нужно обезпечить за ними возможность реально использовать ихъ права; а такъ какъ въ основѣ индивидуальной и общественной жизни лежатъ хозяйство, внѣ котораго невозможно никакое реальное обезпеченіе права, то

социализм естественно приходит къ требованію преобразованія современного устройства хозяйства. Пока одни классы общества будут присваивать трудъ другихъ классовъ, пока сохранится эксплуатация трудящихся классовъ имущими, до тѣхъ поръ фактическая равноправность всѣхъ, къ которой стремится социализмъ, не будетъ достигнута. Поэтому социализмъ требуетъ экономической равноправности всѣхъ членовъ общества, и мы можемъ опредѣлить социализмъ, какъ такое хозяйственное устройство общества, при которомъ, благодаря равной обязанности и равному праву всѣхъ участвовать въ общественномъ трудѣ и такому же праву всѣхъ участвовать въ пользованіи плодами этого труда, невозможна эксплуатация однихъ членовъ общества другими.

Такова сущность и цѣль социализма, какъ представленія о новомъ хозяйственномъ строѣ, въ противоположность господствующему нынѣ строю хозяйства—капиталистическому. Это опредѣленіе охватываетъ собой всѣ направленія социализма, которыя въ свою очередь могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько группъ. Группы эти входятъ въ составъ общаго понятія социализма, въ широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ всѣмъ имъ общи указанныя въ моемъ опредѣленіи характеристическіе признаки. Социализмъ въ широкомъ смыслѣ можетъ быть подраздѣленъ на: 1) социализмъ въ узкомъ смыслѣ или коллективизмъ, 2) коммунизмъ и 3) анархизмъ.

Обыкновенно, различіе социализма въ узкомъ смыслѣ (коллективизма) отъ коммунизма видятъ въ томъ, что социализмъ въ узкомъ смыслѣ требуетъ перехода въ общественную собственность только средствъ производства, допуская частную собственность на предметы потребления, между тѣмъ какъ коммунизмъ требуетъ совершеннаго уничтоженія частной собственности, какъ на средства производства, такъ и на предметы потребления. Но это не совсѣмъ вѣрно. Невѣрно прежде всего, что социализмъ требуетъ обобществленія всѣхъ орудій труда (средствъ производства). Свою книгу объ «Аграрномъ вопросѣ» Каутскій заканчиваетъ очень краснорѣчивымъ и искреннимъ описаніемъ прелестей домашнего очага, жизни у себя дома. Въ социалистическомъ обществѣ Беллами каждая семья живетъ въ особомъ домѣ. Съ этимъ неизбежно связывается и сохраненіе въ большей или меньшей степени домашнего хозяйства—а, слѣдовательно, и индивидуальное владѣніе средствами производства этого хозяйства. Принятіе пицци дома требуетъ своихъ орудій труда—посуды, столовыхъ принадлежностей и пр. Бумага, перья, чернила, книги, читаемыя не для развлечения, — все это орудія умственного труда, по отношенію къ которымъ должно быть допущено индивидуальное владѣніе и при социалистическомъ устройствѣ общества.

Итакъ, и при господствѣ коллективизма известная часть средствъ производства останется въ частномъ владѣніи. Съ другой стороны, по отношенію къ очень многимъ предметамъ потребленія частное владѣніе въ коллективистическомъ обществѣ ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ. Уже и теперь очень многое, служащее для непосредственнаго наслажденія и пользы, находится въ свободномъ и общемъ пользованіи всѣхъ—напр. общественные музеи, картинныя галлерей, городскіе парки и пр. Въ социалистическомъ обществѣ такое свободное пользованіе различными источниками наслажденія должно чрезвычайно возрасти. Другіе предметы потребленія, какъ напр. жилие дома, должны перейти въ собственность всего общества, и только пользованіе ими можетъ быть предоставлено за известную плату отдѣльнымъ лицамъ. Такимъ образомъ, въ коллективистическомъ обществѣ будетъ три группы предметовъ потребленія: одни предметы будутъ принадлежать обществу, и пользованіе ими будетъ свободно предоставлено всѣмъ; другіе будутъ принадлежать обществу, и пользованіе ими будетъ предоставлено отдѣльнымъ лицамъ за известную плату и, наконецъ, третьи будутъ находиться въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ.

Но и коммунизмъ отнюдь не характеризуется тѣмъ, что при этомъ строѣ индивидуальная собственность совершенно исчезнетъ. Главнымъ апостоломъ коммунизма въ новѣйшее время былъ Кабэ. Въ своей «Икаріи» онъ стремился все сдѣлать общимъ и уничтожить всякое индивидуальное владѣніе. Но это ему удалось далеко не въ полной мѣрѣ. Икарійцы, живущіе въ деревнѣ и ведущіе сельское хозяйство, имѣютъ, по описанію Кабэ, особыя фермы, съ которыхъ они поставляютъ государству заранее опредѣляемое количество сельскохозяйственныхъ продуктовъ. За этимъ вычетомъ, они свободно располагаютъ всѣми продуктами своихъ фермъ и не подлежатъ въ потребленіи ихъ никакому общественному контролю. Очевидно, икарійцы являются фактическими собственниками продуктовъ своего труда (безъ права, разумѣется, ихъ отчужденія). Въ этомъ случаѣ индивидуальное производство естественно влечетъ за собой и индивидуальное владѣніе продуктомъ труда. Но и при общественномъ производствѣ, какъ широко бы оно ни было проведено, останется много предметовъ потребленія, которые по самой своей природѣ должны быть въ индивидуальномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ. Сюда относится, напр., одежда. Какъ бы далеко ни были проведены принципы коммунизма, но однимъ сюртукомъ одновременно одѣть двухъ не удастся, и каждый сюртукъ будетъ силою вещей фактической собственностью того, кто его носить.

Принципіальное отличие собственно социализма от коммунизма не может быть, таким образом, приурочено къ указанному признаку. Все направленія социализма — въ широкомъ смыслѣ — сходятся въ требованіи экономической равноправности всѣхъ членовъ общества. Но социализмъ въ узкомъ смыслѣ (коллективизмъ) подъ экономической равноправностью понимаетъ равное право каждаго рабочаго на создаваемый имъ трудовой продуктъ; а такъ какъ трудовые продукты различныхъ рабочихъ могутъ быть — и даже должны быть — неравны, ибо люди обладаютъ различными силами и способностями, то социализмъ въ узкомъ смыслѣ отнюдь не требуетъ фактическаго равенства потребления. Такое равенство большинство социалистовъ считаетъ даже нежелательнымъ, ибо при немъ отпадаетъ стимулъ для человѣка повышать производительность своего труда. Такъ напр., формула сень-симонистовъ гласитъ: «отъ всякаго по его способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ». Иными словами, каждый долженъ исполнять ту работу, къ которой онъ наиболее способенъ, и получать вознагражденіе въ соответствии съ тѣмъ, что даетъ обществу его работа.

Напротивъ, коммунизмъ отрицаетъ право болѣе производительныхъ рабочихъ получать болѣе значительное вознагражденіе отъ общества, исходя изъ мысли, что самъ человѣкъ и его способности суть продуктъ общества, и, слѣдовательно, несправедливо вознаграждать человѣка за то, что не есть его заслуга, что ему пришлось извинѣ; не менѣе несправедливо уменьшать вознагражденіе человѣку лишь потому, что онъ, не по своей винѣ, не въ силахъ сдѣлать больше. Равное право всѣхъ на участіе въ пользованіи плодами общественнаго труда понимается коммунизмомъ, какъ право каждаго на равную долю общественнаго продукта. Но такъ какъ потребности фактически различны, въ зависимости отъ возраста, пола, состоянія здоровья, а также и индивидуальныхъ вкусовъ, наклонностей и пр., то формула коммунизма, въ идеалѣ, гласитъ: «отъ каждаго по его силамъ, каждому по его потребностямъ» (Каба).

Но, конечно, эта послѣдняя формула во всей своей полнотѣ представляетъ собой почти недостижимый идеалъ — потребности людей почти безграничны, и полное удовлетвореніе ихъ трудно достижимо даже при самомъ совершенномъ общественномъ строѣ. Поэтому коммунизмъ, переходя на практическую почву, выставляетъ требованіе равенства труда и равенства потребления всѣхъ членовъ общества (въ зависимости, конечно, отъ пола, возраста, состоянія здоровья, и пр.), въ противоположность социализму, требующему пропорціональности между тѣмъ, что каждый рабочий даетъ обществу и что онъ отъ него получаетъ.

И социализмъ (въ узкомъ смыслѣ) и коммунизмъ признаютъ необходимость плановой организаціи общественнаго труда и производства. Организація эта, по необходимости, должна имѣть или менѣе принудительный характеръ — общество должно обладать властью охранять и осуществлять установленную имъ организацію труда, независимо отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ личностей. Этимъ признакомъ оба названныхъ социалистическихъ направленія (собственно социализмъ и коммунизмъ) резко отличаются отъ анархизма. Между конечными цѣлями всѣхъ трехъ социалистическихъ направленій принципиальной разницы не существуетъ — анархизмъ, такъ какъ и социализмъ (въ собственномъ смыслѣ) и коммунизмъ стремятся къ уничтоженію эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и обезпеченію экономической равноправности всѣхъ. И анархизмъ исходитъ изъ идеи равноцѣнности человеческой личности. Въ виду этого и представляется правильнымъ объединеніе всѣхъ этихъ различныхъ ученій въ одно общее понятіе социализма. Отличіе анархизма отъ двухъ первыхъ направленій въ томъ, что анархизмъ безусловно отрицаетъ принудительную организацію общественнаго труда и признаетъ возможнымъ осуществленіе конечнаго идеала всякаго социализма путемъ совершенно свободнаго сотрудничества людей. Не только государство должно исчезнуть, но и всякая принудительная общественная власть, всякое насилие человѣка надъ человѣкомъ, должны прекратиться. Безъ всякаго принужденія общественной власти, на основаніи добровольнаго соглашенія, безъ всякаго извинѣ даннаго плана, будутъ возникать союзы и группы людей, которые и будутъ сообща пользоваться средствами производства, безъ нарушенія интересовъ и правъ другъ друга. Идеалъ анархизма — это полная свобода и автономія личности, совершенная независимость личности отъ принудительнаго воздѣйствія общественнаго союза.

М. Туганъ Барановскій.